

Средство от облысения

Автор:

[Наталья Нестерова](#)

Средство от облысения

Наталья Нестерова

Между нами, девочками. Истории Натальи Нестеровой

В сказках сразу после «Я тебя люблю» принц встаёт на одно колено: «Милая, выходи за меня замуж!» А в жизни всё по-другому! Ваш «милый», похоже, и не собирается произносить заветную фразу? Что тогда – покорно ждать или устроить бунт на корабле? После трёх лет почти семейной жизни Лара поняла: её Максиму нужна шоковая терапия!

А вот тихой, скромной и заботливой «домашней мышке» Лене Соболевой приходится стать суперженщиной – и всё ради того, чтобы вернуть любимого мужа в лоно семьи.

Произведения Натальи Нестеровой способны по-настоящему тронуть сердце. Это обаятельный, светлый и очень продуманный мир, в котором так хочется жить.

Наталья Нестерова

Средство об облысения

Сборник

© Н. Нестерова, 2021

Средство от облысения

Визит нехрупкой дамы

После работы Лена Соболева заехала в китайскую фирму, чтобы купить чудодейственное средство от облысения. Долго разыскивала нужный дом, сверяясь с адресом в газетном объявлении. Фирма находилась в подозрительно ветхом строении, но цена у средства от плешивости была как у золотого песка.

Три продавца чистокровно славянской внешности наперебой убеждали Лену купить запас на год вперед. Говорили про сто тридцать реликтовых трав в сборе, про нескорые очередные поставки и сказочный эффект. С их слов получалось, что намажь средством коленку, и на ней вырастет борода. В качестве живого аргумента приволокли из подсобки маленького старого китайца, одетого в национальный костюм, смахивающий на отечественную пижаму.

Представили как разработчика и потомственного лекаря-травника. Китаец что-то промяукал на своем языке и постучал по голове с жиденькими волосиками. Ему, видно, собственные рецепты не очень помогали.

Продавцы окончательно заморочили Лене голову, обрушив на нее информацию о сногшибательных скидках. Если она купит три коробки, то по цене полтора, пять – как три, десять – как пять, то есть даром. В итоге Лена купила пятнадцать коробок, а в кошельке осталась только мелочь.

Средство предназначалось для мужа: Володя начал лысеть в тридцать лет, и за семь последующих на его голове образовалось гладкое, словно выжженное солнечным зайчиком, пятно. Володя перепробовал уже множество отечественных и зарубежных средств, но успеха не добился. Его заветную мечту

вырастить на макушке новый покров знали дети – двенадцатилетний Петя и шестнадцатилетняя Настя.

В рекламных разделах газет они выискивали сообщения о новых препаратах и показывали маме. Лена с неумолимостью коллекционера приобретала средства для Володиной плечи.

Хотя саму Лену его лысина нисколько не отвращала. Она, лысина, была такой же родной, как и весь муж.

В метро Лена стояла на платформе и думала о том, что китайские травы, которыми она основательно затоварилась, наверняка фикция или подделка. Зачем поддалась на уговоры и все деньги вбухала? Ловкачи! Окрутили и одурачили ее!

Поезд остановился так, что она оказалась между вагонами, и ей пришлось втискиваться вслед за счастливыми, занявшими позиции напротив двери.

«Как всегда. Ну и пусть, – думала Лена. – Очень даже хорошо».

Она свято верила в равновесие счастья и несчастий, удач и поражений. Если что-то в твоей жизни забирается, то в другом месте прибавляется. Баланс должен соблюдаться!

Профукала деньги на китайские травы – а Володе зарплату прибавят. Чулок порвался – а Петя тройку по географии исправил. Застряла в лифте на два часа – а Настино сочинение по литературе на городской конкурс отправили. За невезучесть во внешней жизни отпускается счастье и благополучие семейные. Поэтому Лена была готова терпеть мелкие неприятности, даже радовалась им, как предвестникам удачи. Пусть поезд останавливается хоть вверх колесами, пусть колбаса оказывается с душком, пусть молочный суп в столовой перед ней кончается – главное, чтобы в семье был порядок.

Но в тот вечер баланс неожиданно решился, и горе-злосчастье ворвалось в мирную жизнь Соболевых, хотя предварительно никаких особых подарков судьба не преподносила.

Прежде чем ворваться, горе-злосчастье требовательно позвонило в дверь.

Лена вернулась домой пятнадцать минут назад. Быстро распределила обязанности: Володя – в ванную новое средство накладывать, Настя – чистить картошку, помогать запоздалый ужин готовить, Петя – закончить домашнее задание и убрать в комнате.

Лена прибавила газ под жарившимися котлетами и пошла открывать. «Неужели трубу прорвало?» – думала она, потому что так настырно давить на звонок могут только соседи снизу, когда у них с потолка капает вода.

Но это были не соседи. За дверью, очень близко к порогу, стояло громадное тело с клипсами, которые бросились в Лену. Бросились не фигурально, а натурально – едва по лицу не заехали. Клипсы походили на блестящие шары, вроде тех, что сверкают под потолком на молодежных дискотеках, размером, конечно, поменьше, с теннисный мячик. От них тянулись цепочки к нашлепкам на мочках ушей.

Пришлось отступить назад, тело шагнуло вслед, Лена отступила еще. Теперь она могла охватить взглядом монументальную фигуру.

Женщина двухметрового роста и в три обхвата по талии.

– Ты Лена? – спросила великанша, и блестящие шары запрыгали из стороны в сторону.

– Я, – ответила Лена, задрал голову и бегая глазами от одного шарика к другому.

– А я – Иванова! – вызывающе громко заявила дама.

Фамилия, хоть и не редкая, ничего Лене не говорила. У нее вообще была плохая память на имена и абсолютная на лица. Эту женщину она никогда не видела.

– Ну?! – гаркнула Иванова.

– Ну? – повторила Лена удивленно.

- Ты чего бельма на меня выпучила? Хоть бы покраснела! Дрянь, потаскуха!

Лена растерялась. То есть возмутилась, но одновременно ожидала, что блестящие шарики, амплитуда колебаний которых достигла предела, сейчас оторвутся и полетят снарядами. Ищи их потом по всей квартире.

- Молчишь?! - орала Иванова. - А когда мужа моего в постель тянула, небось не молчала!

- Кого? - изумленно переспросила Лена.

Иванова вдруг заговорила на иностранном языке. Так сначала Лене показалось. До нее не сразу дошло, что Иванова матерится, как портовый грузчик. Раскаты бранных конструкций неслись по квартире:

- Да я тебя! Козьявка мелкоструйная! Своими руками задавлю!

Иванова, с кровожадным, перекошенным от ярости лицом, подняла богатырские руки, растопырила пальцы-коряги и двинулась вперед. Лена от страха заверещала, попятилась, уткнулась спиной в одежду на вешалке и часто-часто замахала перед собой ладонями. На ее счастье из ванной выскочил Володя:

- Что здесь происходит?

На голове у него покоилась нашлапка из китайской зелено-коричневой массы.

Иванова с легкостью мастодонта повернулась. Клипсы изменили направление колебаний и стукнули обладательницу по щекам.

Она мотнула головой, точно лев, огрызнувшийся на комара, клипсы застыли, чуть покачиваясь.

- Ты кто такой? - спросила Иванова.

- Я муж Лены. Что здесь происходит?

– Козел ты, а не муж. Рога выводишь? – Иванова кивнула на его голову.

Володя не нашел что ответить.

– Что вы хулиганите? – Лена обрела дар речи. – Кто вы такая? Я сейчас милицию вызову.

– Милицию? Мерзавка! Шмакодявка! Надо было вызывать милицию, когда ты чужого мужа соблазняла!

– Какого мужа? – растерянно спросил Володя.

– Моего, Пашку. Пупсиком она его зовет, – передразнила Иванова, потирая ладони, словно стряхивая с них остатки чужой, в клочья разодранной плоти. – У этого пупсика почти два центнера весу. Как он тебя не раздавил?

– Возмутительно! – Лена пунцово вспыхнула. – Я не знаю никакого вашего мужа, вообще никакого не знаю.

– Не знаешь? А этот, – Иванова ткнула пальцем в Володю, – что, для прикрытия? Или он немощный...

Именно в момент, когда Иванова произнесла ругательство, появилась дочь Настя.

– Мама, картошку жарить или варить? – спросила Настя, с интересом разглядывая визитершу.

– Варить, и не смей сюда показываться! – Лена постаралась придать голосу строгость.

– Подумаешь, – пожала плечами дочь, – всё равно слышно. Речь у вас!.. – Настя обратилась к Ивановой с заметным восхищением. – Отпад! Где табуированную лексику изучали?

– Чего? – не поняла Иванова.

- Марш на кухню! - приказала Лена дочери и повернулась к мужу:

- Володенька!

Лечебная жижа сползала со лба, текла по щекам, и казалось, что он плачет нечеловеческими слезами.

- Какое-то недоразумение. - Лена прижала руки к его груди. - Впервые вижу эту женщину...

- Еще бы, - буркнула Иванова. - Я только сегодня узнала, а то давно бы тебе патлы повыдергивала.

- Понятия не имею о ее двухцентнеровом муже, - продолжала Лена, вытирая лечебную массу на щеках мужа. - Ты не волнуйся, мы сейчас разберемся.

Володя стоял памятником, на котором побывали все окрестные голуби.

- И разбираться нечего! - пролаяла Иванова. - Не перестанешь кобеляж с моим Пашкой разводить, я тебя удавлю вместе с этим, дерьмом намазанным. Если у тебя мужик немощный, то нечего с других штаны стаскивать и чужим добром пользоваться! - Она снова раскачала клипсы так, что они грозили улететь прочь.

- Прекратите немедленно! - Лена чуть не плакала. - Держите клипсы, то есть уходите немедленно!

- Я-то уйду, но ты поняла, шлюха? Мокрого места не оставлю!

Мотнув шариками, Иванова вышла. Дверью она хлопнула вызывающе громко. От косяка отлетел кусок штукатурки и упал на пол.

- Володя, это какой-то ужас! Она сумасшедшая, правда? - перевела дух Лена. - Что ты молчишь? Поверил, дурачок? - Она растерянно улыбалась.

Он не отвечал.

– Володенька! – Лена заглядывала в глаза мужу. – Ну ты что? Я сама испугалась. Представляешь, вот так ворвется в дом ненормальная, а вдруг с ножом? А если дети одни дома? Я тебе давно говорила: надо цепочку врезать и глазок прибить. То есть наоборот, цепочку прибить, а глазок врезать. Ой, до чего я испугалась!

Володя молча отстранил жену и пошел в комнату. Лена хотела броситься за ним, но из кухни опять появилась Настя:

– Мама, теперь котлеты горят.

Лена побежала спасать ужин. Пока она орудовала на кухне, Володя собирал вещи.

Лена перехватила мужа уже на пороге.

– Ты куда? С чемоданами? – ахнула она.

– Детей береги, – не глядя на нее, с мукой произнес Володя и вышел.

Опять штукатурка посыпалась. Лена несколько секунд молча смотрела на дверь.

– Дочь, – машинально позвала Лена, – возьми полотенце, догони отца, он голову забыл смыть.

Нелепый фарс разрешился поздно вечером, когда к Лене пришла соседка с верхнего этажа занять сахар. Лена уже не рыдала, а громко и нервно икала. Соседка настороженно оглядывалась по сторонам.

– У тебя Иванова была? – спросила она, продолжая стрелять глазами, словно туша Ивановой могла спрятаться в каком-нибудь углу.

– Откуда... ик! Ты зна... ик!..шь?

– В окно видела, как она в подъезд входила. Ну всё, думаю! Кранты! А ее нет и нет. Я на площадку тихонько вышла, а у вас сыр-бор, светопреставление.

«Какой позор!» – подумала Лена. Мысли путались, казалось, их тоже рубит икота. Но все-таки она сообразила:

– Она к тебе приходила? Ты ведь тоже Лена?

– Точно, – кивнула соседка. – Квартиры перепутала. Но ты никому не говори, хорошо? Нет, что за бабы, честное слово! Прямо там смылится с него! Пупсик он! – мечтательно хохотнула соседка. – Такой мужик! Хочешь, познакомлю, когда у нас кончится?

– Меня познакомишь? – удивилась Лена. – Зачем? И как это «не говори»? – От возмущения она даже икать перестала. – От меня муж ушел, поверил этой глыбе жира.

– Вижу, – посочувствовала соседка Лена. – Физия у тебя заплаканная. Вот мужики! Одни претензии! Ну что мы от них имеем? Одну клетку подарит! Сперматозоид! – Лена показала краешек ногтя. – Только в микроскоп увидишь! Наградил и завалился на диван телевизор смотреть! А ты девять месяцев носи, грудями корми, пеленки стирай! Еще в школу вызывают, учителя говорят: у вашего сына воображение неразвито. Какое, к лешему, воображение, когда он у отца сигареты ворует?

В отличие от Лены Соболевой, рассматривающей жизнь в виде колебаний весов со счастьем и несчастьем на чашах, тёзка и соседка Лена катила по жизни точно колобок. Она и внешне напоминала упитанный маленький пирожок, а Соболеву Лену иногда, особенно со спины, принимали за юную девушку. Лена-соседка несчастий не калькулировала, старалась укатывать от них всеми способами и брать от жизни только удовольствия. За эти удовольствия, весь подъезд знал, муж иногда ее поколачивал. Общественность рукоприкладства не одобряла, но морально была на стороне Валеры, Лениного мужа.

– Ты мужиков, – учила гулящая соседка, – не этим, – она постучала по лбу, – а этим... – подхватила ладонями бюст и потрясла, – воспринимай. Они нас каким местом любят? Вот то-то же! Расслабься и получай удовольствие!

– От чего? От того, что муж ушел? – вытаращила глаза Лена.

– Хотя бы! Воспользуйся ситуацией! Ты честная, правильно? А тебе заранее... слово есть... ненашенское... вспомнила – индульгенция, как бы прощение грехов заранее. Воспользуйся! На примете кто есть? Нет? Невелика беда. Ты женщина не первой, но и не последней свежести. Сейчас таких любят – чтобы мышка-гимназистка, а под фартушком затейница! Хи-хи! Лучше знакомых и женатых выбирай, – советовала Лена. – А то в метро подцепится, с виду богатырь Илья Муромец, а он – как шкаф с маленьким-маленьким ключиком! – Лена-соседка заговорщически хихикала.

Лена Соболева проверила, плотно ли закрыты двери, спят ли дети.

– Ты понимаешь, что говоришь? Это же бред! Лена, произошла кошмарная ошибка! По твоей милости пострадали невинные люди!

– Кто? – нахмурилась соседка.

– Наша семья! Я и Володя!

– Где вы, интересно, пострадали?

– Лена! Мы должны всё Володе рассказать.

– Все?!! – ужаснулась соседка.

– Только сегодняшнее происшествие, – уточнила Лена.

– Твой с Валеркой иногда на футбол ходит. Вдруг проболтается? Володька у тебя смирный. Видишь, взял чемоданчик и интеллигентно ушел. А Валерка мне прошлый раз таких фонарей наставил, никакая пудра не брала, – задумчиво произнесла Лена.

«Мало он тебя дубасил», – подумала Лена Соболева и продолжала уговаривать:

– Очень тебя прошу! Клянусь, что Володя ничего Валере не скажет.

– Нет, и не проси. Это я с перепугу тебе проболталась. А если кому-нибудь скажешь – буду открещиваться. Весь подъезд свидетели. Строить теперь не

умеют, стенки как картон. Мы раньше на Пятницкой жили, так там ори не ори, когда тебя муж убивает, – никто милицию не вызовет.

– Кто эта Иванова? Где живет, работает? – сыпала вопросами Лена.

– Зачем тебе? – подозрительно спросила соседка.

– Должна же я ее найти, всё объяснить.

– Чтобы она ко мне приперлась?

– Лена, как ты не понимаешь, у меня вся жизнь рушится!

– Ничего не рушится, подумаешь, ошибка вышла. Если он любит, то простит и вернется.

– Что простит? Твои грехи? Какая ты жестокая!

– Ты меня не стыди! – Соседка из коlobка обернулась колючим ежом. – И не впутывай в свои дела! Зачем я пришла? За сахаром. Полстакана, я верну.

После ухода соседки Лена опять начала плакать. Теперь уже по причине человеческой подлости, размеров которой она до сих пор не представляла.

– Мама! Полночь! – Настя, заспанная, в ночной рубашке, появилась в дверях комнаты. – Что ты плачешь? – Она зевнула. – Коню понятно, что произошло недоразумение.

– Как ты выражаешься? – хлюпнула носом Лена. – Коню понятно, а отцу нет?

– У тебя никакой гордости, – пожала плечами дочь.

– Мала еще матери указывать!

Настя снова протяжно зевнула.

– Удивляюсь, – сказала она, – ты совсем не знаешь мужчин!

От этого заявления у Лены мгновенно пропали слезы.

– А ты знаешь? – грозно спросила она.

– Из литературы, теоретически.

– Лучше бы ты теоретически химию подтянула.

– Да ладно, – махнула рукой дочь, – пошли спать. Завтра тебе на работу, а нам в школу.

Лену поразило равнодушие или даже некая веселость, с которой Настя отнеслась к происшедшему. И тут же она оправдала дочь: юность, максимализм. Лена вспомнила, как недавно, придя с дискотеки и увидев мирно сидящих у телевизора родителей, Настя заявила:

– Скучно живете! Просто чеховские обыватели!

Настя была начитанной девушкой.

Служба и дружба

Лена работала в частном бюро «Олимп» по охране авторских прав и получению патентов.

В море частной инициативы и предпринимательства «Олимп» являл собой уникальный островок – точную копию старых советских учреждений. Десять лет назад он отпочковался от Института патентоведения усилиями бывшего руководителя Лены, а теперь хозяина и работодателя Игоря Евгеньевича Булкина. Сам он никогда бы не рискнул броситься в бурные волны капитализма, спокойно встретил бы пенсию в родном институте. Но жена Булкина, особа активная и целеустремленная, буквально в спину вытолкала Игоря Евгеньевича

в бизнес. «Все хватают, а ты ушами хлопаешь! – пилила она мужа. – Государство не резиновое, на всех не напасешься. А тебе бы только удочки забрасывать! В доме престарелых хочешь старость провести? А дети? А внуки?»

Про «удочки» – это в прямом смысле слова, потому что единственной глубокой страстью Булкина была рыбалка. Жена, по профессии врач-невропатолог, переквалифицировалась в уролога – специалиста по дроблению камней в почках – и организовала один из первых медицинских кооперативов.

Камни в организмах россиян накопились в промышленных количествах, и кооператив процветал. А Институт патентоведения, как и все государственные учреждения, трещал по всем швам. Когда жена стала называть Игоря Евгеньевича «мой нахлебник», он решился на отчаянный шаг и зарегистрировал «Олимп».

Имя частному предприятию было выбрано не по причине любви к Древней Греции, а по аналогии с названием бельгийской телескопической удочки – давней мечты Булкина.

Лена согласилась уйти из института вместе с начальником от отчаяния. И ей, и Володе, работавшему в машиностроительном НИИ, зарплату платили нерегулярно, инфляция съела накопления в чулке, сберкассы проглотили сберегательные книжки. На пороге дома отчетливо маячила нужда. А Булкин обещал твердый оклад.

Слово он сдержал. Но не потому, что вдруг открыл в себе деловую хватку. Напротив, растерял на вольных хлебах и прежнюю активность. По всем статьям бюро должно было прогореть. Спасла «Олимп» Булкина-уролог.

Она удачно, в песок, раздробила камни в почках председателю одного из крупных благотворительных фондов. Счастливый и облегченный председатель взял «Олимп» под свое крыло. Была организована программа поддержки изобретателей, рационализаторов и новаторов с громким названием «Российские эдисоны». Под нее в «Олимп» потекли денежки, вначале мелкой струйкой, а потом широким потоком, оставляя на булкинском счету малую часть, а в основном утекая в загадочные офшоры.

Игорь Евгеньевич в финансовых делах собственного предприятия разбирался плохо.

Да от него только и требовалось подписывать бумаги, которые привозил бухгалтер фонда.

Понукаемый женой, Игорь Евгеньевич не забывал периодически ставить перед правлением фонда вопрос об увеличении своей зарплаты. К чести Булкина, он одновременно хлопотал о пропорциональном увеличении оклада двух своих сотрудниц – Лены и Зои Михайловны.

Как ни скудна была производственная деятельность «Олимпа», но всё-таки была. Ведь приходилось давать о себе рекламу в столичной и провинциальной прессе. Когда являлись соискатели на защиту авторских прав, им вежливо отвечали, что пока юрист отсутствует и эти дела мы не ведем. А с изобретателями, жаждущими патентов, две сотрудницы справлялись отлично, ведь в Институте патентоведения они в свое время и заявки оформляли, и формулу изобретения помогали составлять, и экспертизы организовывали.

Изобретатели, как правило, люди серийной продукции. Не то чтобы один раз придумал атомный реактор и успокоился. Нет, эдисоны творчески горят, как писатели или художники, – штампуют без усталости открытие за изобретением. И патентоведы называют их соответственно – авторы. За Леной и Зоей Михайловной, естественно, переползли их авторы из института. Но и новички захаживали, из далей и веселей объемистые письма слали, подростки с вечными двигателями надоедали, изобретатели велосипедов тоже не в редкость были. Три посетителя в день или четыре письма – это уже перегрузка в «Олимпе».

Поскольку Булкин других методов руководства, кроме советских, не знал, он оставил прежний режим работы: три дня приемных, а два на работу с документами, которые можно брать домой. Брать было нечего, и домашнее хозяйство за ту же зарплату процветало.

Словом, Лене Соболевой очень повезло с местом службы. Но за этот подарок судьбы, как она считала, расплатилась очень тяжело.

Один за другим умерли родители. Сначала отец от инсульта, потом мама от инфаркта.

Знала бы, что так получится, на воде и хлебе сидела, только бы их сохранить!

Лена приходила на работу в понедельник, среду и пятницу. Зоя Михайловна – во вторник, среду и четверг, предпочитая удлинять себе выходные на даче.

Поэтому пересекались они только в среду, если, конечно, кто-нибудь из них не заболел и не приходилось друг друга подменять.

Нынче была среда, и обе сотрудницы несли вахту.

Несмотря на то, что с Зоей Михайловной Лена проработала в общей сложности лет пятнадцать, еще в Институте патентоведения за соседними столами сидели, доверительных отношений между ними не было. Да и представить, что Зоя Михайловна, бездетная пятидесятилетняя жена отставного полковника авиации, может с кем-то сплетничать, злословить или откровенничать?... Только сама с собой и перед зеркалом!

Лена иногда завидовала ей – уметь так себя держать! Прямо столбовая дворянка и гранд-дама! Отлакирована каждая волосинка в прическе, а набойки на туфлях никогда не бывают стоптаны. Взгляд холодный, куда-то тебе в переносицу и сквозь голову. Этот взгляд близко посаженных глаз держал человека на дистанции, как двустволка.

Однажды Лена не удержалась и спросила:

– Зоя Михайловна! Кто были ваши родители?

– Чем, простите, вызван ваш интерес? – Та ответила не сразу, выдержала паузу.

– Просто мне кажется, – искренне польстила Лена, – что вы из старинного, благородного рода.

– Мои родители были простыми советскими людьми. У вас еще есть вопросы по моей биографии?

– Простите! – смутилась Лена и заерзала под насмешливо-презрительным взглядом точно в середину ее лба. – Просто вы... сдержанная и рациональная! Вот бы Настя такой же выросла!

Зоя Михайловна молчала, всем видом показывая, что педагогические проблемы семьи Соболевых ее не интересуют. Лена еще раз извинилась.

Но в среду, следующий после печального происшествия в семье Соболевых день, Зоя Михайловна проявила долю сострадания к своей коллеге:

– Елена Викторовна, разрешите сделать вам замечание. У вас один глаз подведен синей краской, а другой – черной.

Лена ахнула и стала искать в сумочке платочек и зеркало.

Утром, когда она пыталась замаскировать опухшие от рыданий глаза, Петя отвлек на поиски тетрадки по математике, а вернувшись в ванную, Лена перепутала гримерные карандаши. И всю дорогу ехала в клоунском виде!

Зоя Михайловна едва заметно брезгливо скривилась, глядя, как Лена трет платком веки, достала из своей косметички изящный тюбик, выдавила гель на специальную салфетку, встала, подошла и протянула салфетку Лене.

– Спасибо!

– У вас неприятности, – констатировала Зоя Михайловна.

Говорила она спиной к Лене, шествуя обратно к своему столу.

– От меня муж ушел.

– Да? – Зоя Михайловна слегка приподняла брови.

Неизвестно, чего больше было в ее удивлении – сочувствия или насмешки. Она всегда так реагировала на чужие проблемы – легким презрением. Словно ее собеседник опростоволосился исключительно по собственной вине, вроде собачонки, из-под носа которой умыкнули косточку. А уж у нее, у Зои Михайловны, попробуй отбери. Как ни странно, нескрываемое превосходство оказывало больше помощи, чем бурное соболезнование. Человек глотал слезы и начинал думать, как выбраться из тупика.

- Да, - подтвердила Лена, - приревновал меня совершенно напрасно.

«Еще бы не напрасно, - подумала Зоя Михайловна. - Эх ты, кошечка на диванчике с клубочком ниточек. Укатился клубочек».

- Всё образуется, - сказала она вслух. - Могу дать вам совет: купите себе дорогую, красивую вещь, например золотое украшение. Ничто лучше не примиряет нас с несовершенством мира, то бишь с мужчинами, как дорогой подарок.

«Ну конечно! - мысленно возразила Лена. - Это у тебя неизвестно откуда, при муже-отставнике, деньги на золото и бриллианты. А я у семьи кусок хлеба отберу?»

Она вздохнула и принялась набирать номер рабочего телефона мужа.

Рассказывая Володе о визите соседки, Лена никак не могла избавиться от извиняющегося тона, злилась на себя, но от этого лепетала еще более просительно и приторно-ласково.

- Всё понял, - сказал Володя, выслушав ее.

- Что понял?

- Понял и подумаю. Мне некогда. Извини.

И положил трубку.

- Если вам нужно уйти, - проговорила Зоя Михайловна, не поднимая головы от бумаг, - я скажу начальнику, что вы в библиотеке.

- Спасибо! - поблагодарила Лена, вставая.

Она действительно испытывала необходимость излить свое горе родному и близкому человеку. Таким человеком была подруга детства Алла Воробейчикова.

Они выросли в одном дворе, вместе ходили в садик, в школу, учились в одном институте и только после замужества стали видеться реже и перестали отчитываться друг перед другом о каждом дне. В детстве их принимали за сестер, различия стали проявляться, – когда в их жизни возникли мужчины.

Из общего детства Алла и Лена вынесли диаметрально противоположные идеологические установки во взглядах на семейную жизнь. Лена главное внимание уделяла заботе материальной – накормить, обстирать, одеть, обуть, Алла делала упор на интеллект. Лена не забивала голову нелепостями вроде собственной карьеры, Алла творческой активности придавала решающее значение.

Алла, как и Лена, по специальности технолог мясомолочной промышленности, никогда не трудилась ни в мясной, ни в молочной промышленности. Она работала редактором в издательстве «Пищепром», которое со временем переродилось в производителя детективов и женских романов. В издательстве Алла и познакомилась со своим мужем – Родионом, по ее словам, безумно талантливым и многообещающим писателем.

Много обещал Родион лет пятнадцать. Алла не уставала повторять, что когда-нибудь из-под его пера появится великое произведение.

Лена мысленно подсчитала, что если в день писать по одному предложению, то за полтора десятка лет толстая книга получится. Очевидно, и подобная производительность Родиону была не по силам. Да и кроме главного произведения приходилось заботиться о хлебе насущном. Под псевдонимом Тит Колодезный Родион, как он говорил, «строгал» кроваво-эротические детективы.

Несмотря на годы знакомства, у Лены не было четкого мнения о Родионе. Трезвым он был немногословен, под градусом – ироничным и колючим. Лене иногда казалось, что в глубине души Родион носит какую-то боль и немалые силы тратит на то, чтобы заглушить эту боль, давно отчаявшись избавиться от нее полностью.

Выйдя замуж за литератора, Алла со свойственным ей рвением стала делать из себя литературоведа. Она вгрызалась в творчество неореалистов, модернистов и прочих авангардистов, убедила себя, что оно ей нравится и она в нем разбирается. Алла знала массу имен и терминов, пересыпала ими речь и в итоге

превратилась в экстравагантную богемную даму – ту, по ее представлению, что наиболее подходит Родиону.

Лена подозревала, что Алла ошибается и Родион предпочел бы чистые носки и сорочки разглагольствованию по поводу кубофутуризма. Да он и сам говорил открытым текстом: «Ты, мать, вместо того чтобы лабуду всякую читать, лучше бы пирогов испекла».

Но Алла утверждала, что это у мужа своеобразный юмор. Лена таких шуток не понимала и подкармливала время от времени Родиона домашней стряпней.

Несмотря на разницу идеологических установок и тайную критику друг друга, они оставались близкими подругами. Были готовы в режиме «скорой помощи» мчаться на выручку, подставить плечо или утереть слезы.

Каждая женщина считает себя специалистом по человеческим отношениям и знатоком психологии семейной жизни. Проблемы в чужой семье – легче простого объяснить, невооруженным глазом видно, и спорить не о чем. (Эта мудрость почему-то оборачивается полной беспомощностью в собственной семье.) Алла не была исключением из правила. Более того – экспертом в неведомой Лене области психоанализа.

Подруга внимательно выслушала три циклических пересказа о нашествии Ивановой и внезапном уходе Володи. Они сидели на кухне у Аллы. Лена, рассказывая, привычно хозяйничала: сварила кофе, сделала бутерброды из предусмотрительно купленных по дороге продуктов. Алла задумчиво курила.

– Скажи мне! – потребовала Лена, остановившись на четвертом круге повествования и запричитав. – Как это понимать? Что мне теперь делать? За что? Почему? Ой, голова кругом!

– Спокойно! Разберемся! – пообещала Алла и принялась задавать вопросы и сама же на них отвечать:

– Что мы имеем? Володю, счастливо получившего в твоём лице продолжение собственной мамы. Как известно, все мужчины в той или иной степени

подвержены эдипову комплексу, ищут спутницу жизни, повторяющую черты родной мамочки.

Лена очень хорошо относилась к свекрови.

Можно сказать, любила, потому что не могла не любить человека, подарившего миру и лично ей Володю. Но прекрасные их отношения были в немалой степени обусловлены территориальной разобщенностью. Родители Володи жили в городе Большеречье Омской области, то есть далеко в Сибири. Когда свекровь приезжала в Москву, внуки радовались и предрекали: «Бабуля подарков навезет, варенья и грибов. Будет нас жизни учить». Володина мама работала дефектологом-воспитателем с умственно отсталыми детьми и невольно перенесла на остальную, здоровую часть человечества принципы общения с дебилами. Она постоянно растолковывала и объясняла очевидные вещи: дождь пошел, потому что синоптики предсказали, кран надо закрывать, чтобы вода понапрасну не вытекала, руки мыть от микробов, простуды от сквозняков, солнце встает на востоке, садится на западе, к безударным гласным надо подобрать проверочное слово... Через неделю общения Лена была готова выть белугой, чувствовала себя неумехой у кухонной плиты, плохой хозяйкой, не способной без подсказки шагу ступить, и вообще резко теряла умственные способности. Ловила себя на тихом бормотании в такт повороту ручки мясорубки: «Свинина, потому что от свиньи, баранина, потому что из барана. А говядина? Может, я не правильно говорю? Как надо? Коровятина? Бычатиная?» Свекровь уезжала – всё возвращалось на места, в том числе и пошатнувшийся интеллект.

Лена – копия свекрови? Сомнительно!

Кстати, и Алла походит на изнеженную и капризную мать Родиона, как огурец – на студень. Но Лена не стала перебивать подругу, отвлекать на частности.

– Последние годы, – рассуждала Алла, – ты практически не менялась, не выходила из лапидарного образа наседки-жены и матери. У Володи накопилось неведомое ему самому пресыщение. Его подсознание искало повод, чтобы избавиться от вечного мелькания перед глазами постылой матрешки в кухонном фартуке. Его, по сути, не интересует, виновна ты или нет. Главное, чего ему хочется, – загулять самому, получить новые ощущения, реализовать эротические мечты.

- Я ему регулярно покупаю средства от облысения, - оправдывалась Лена.

- И при чем здесь эротика? - закатила глаза Алла. - Фантастическое невежество! Скажи спасибо, что он продержался за твою юбку восемнадцать лет.

- А теперь что будет? - со страхом спросила Лена.

- Володя станет искать объект для удовлетворения своих подсознательных фантазий. Если, конечно, уже не нашел.

- Подожди! - испуганно остановила подругу Лена. - Я запуталась. Значит, Володя ушел не потому, что ошибочно меня приревновал, а потому, что сам хочет изменить?

- Верно. Повод скрывает истинную причину.

- Но это же с ног на голову! - возмутилась Лена.

- Ты ничего не понимаешь в психоанализе! - попеняла Алла.

- Научи меня! - попросила Лена.

- Хорошо! - согласилась Алла. - Например, женщине регулярно снится сон, что она с аппетитом поглощает спагетти. Что это значит?

- Значит, надо купить макарон, сварить и наесться, - словно на уроке ответила Лена.

- Боже! - всплеснула руками Алла. - Каменный век! Это эротический сон! Она мечтает о любовнике-итальянце! Спагетти - сексуальный символ, маскирующий фантазии о мужских фаллосах, длинных и гибких.

- Каких-каких? - опешила Лена. - Фу, гадость! У тебя везде эротика и секс! Даже в макаронах!

– Не у меня, – поправила Алла, – а в жизни! И у твоего Володи! Его основной инстинкт, задавленный пуританским воспитанием, моральным долгом перед женой и детьми, прятался долгие годы в сублимировании. Володя ведь любит по дереву выжигать, правильно? Сублимирует! Рано или поздно сексуальная буря начинает рваться наружу. В противном случае – невроз, психоз и санитары в белых халатах.

– Хочешь сказать, – обиделась Лена, – что я мужа до психушки довела? Тебя послушать, страшнее меня злодейки нет!

– Ты всё время скатываешься на землю!

– Я на ней живу!

– Хорошо! – вздохнула Алла. – Начнем все сначала. Володя ушел. Так? Можно сказать, умчался, даже голову не помыл. Верно? О чем это говорит? О том, что мысль о побеге давно сидела в его подсознании. Требовался толчок, он нарисовался в виде Ивановой. Теперь с другой стороны. Володя – кто угодно, но не идиот. Не верит же он, в самом деле, что ты можешь ему изменить?

– Не могу! – подтвердила Лена.

– Если это знаешь ты, я, все наши знакомые, то почему Володя исключение? Раньше за ним не водилось ревнивых мавританских страстей. Твой муж не Отелло по складу характера. Правильно? Теперь сама видишь? Он ушел по потребности, а не по способности!

– Ужас! – пробормотала Лена. – Я совершенно иначе все представляла. Алка, какая ты умная! Но что мне-то сейчас делать?

– Прежде всего, подковаться теоретически!

И вручила книгу «Сексуальная жизнь мужчины и женщины», велела внимательно изучить. Алла заявила, что революцию нужно начинать в данной области, остальное приложится. Так диктуют наимоднейшие теории.

Алла, конечно, не читала специальную научную литературу по психоанализу, увлекалась толкователями и популяризаторами, среди которых было немало шарлатанов, зарабатывающих популярность на шокировании обывателей.

Когда Лена спросила подругу, применяет ли та полученные знания в личной жизни с Родионом, Алла справедливо напомнила, что от нее муж пока не уходил. Это была истинная правда.

За чтение Лена принялась поздно вечером, лёжа в покинутой супругом постели. «В первой главе вы познакомитесь с интимной жизнью мужчин, вторая посвящена половой деятельности женщин», – обещало предисловие.

«Надо же, – удивилась Лена, – а я думала, это вместе происходит».

Книгу она читала до рассвета, пока не перевернула последнюю страницу. Временами вскакивала и лихорадочно маршировала по комнате, испытывая настоящую потребность в присутствии мужа. Некоторые откровения, напротив, вызывали у нее такое отвращение, что боялась навсегда потерять половое влечение. До одних премудростей, как оказалось, они с Володей дошли безо всякой теоретической подготовки, а другие ухищрения не только не приходили им в голову, но и представлялись Лене абсолютно тошнотворными.

Печальный вывод, который напрашивался сам собой после прочтения книги, заключался в том, что все человеческие желания, стремления идут вовсе не от сознания, то есть от головы, а гнездятся у человечества ниже пояса. Итог был тем более грустен, что Лена оказывалась мутантом – она жила сердцем. После без малого двадцатилетней замужней жизни эти самые желания стояли у Лены на десятом месте – после стремления хорошо накормить, одеть, обстирать семью, выучить детей и даже вырастить волосы на Володиной макушке.

Алла была совершенно права, и книга доказывала с сокрушительной безапелляционностью, что основной инстинкт, то есть секс, правит миром.

Лена без энтузиазма думала о том, что для сохранения семьи ей придется купить призывное эротичное белье или плясать перед мужем в чем мать родила.

Выжигание по дереву

Если бы Володя услышал толкование Аллой Воробейчиковой своего ухода, он бы только хмыкнул: «Мура!» Но и своего четкого объяснения у него не было. Хотя имелся десяток причин, которые побуждали треснуть кулаком по столу или хлопнуть дверью – не важно где.

От природы Володя был вспыльчив и гневлив. Но его природу, после женитьбы и окончания института, неумолимо давили! Молодым специалистом не очень-то эмоции распустишь.

А потом, когда в начальники выбился, в подчинении оказались женщины – от восемнадцати до шестидесяти. Спускать на них собак, хоть и заслуженно, – не по-мужски.

На Лене злость срывать – как над младенцем куражиться. Только рот откроет, у нее глаза как полушки, да еще слезами затягиваются. «Володенька, не обижайся! Как ты хочешь? Мы так и сделаем. Только не кричи! Когда ты кричишь, я ничего не слышу!»

Только Ленка так могла: брякнуть глупость, но глупость по смыслу понятную и даже единственно точную. Но ведь додуматься! «Когда ты кричишь, я ничего не слышу!»

Володя нашел выход в творчестве, близком к художественному. Раскалился до белого каления – волю в кулак зажмет, язык прикусит и достает с антресолей прибор для выжигания по дереву, доску, на которой расчерчен в клеточках портрет любимого поэта, оригинал – фото из старого журнала «Огонек» – рядом стоит, и аккуратно наносит точки горячим жалом. Три дня выжигает, творит, и злость проходит. Лена и дети знают: когда папа выжигает, к нему лучше не подходить. Сейчас, то есть уже полгода, Володя работал над портретом Блока. А на стене в гостиной висел большой портрет Пушкина. Восемнадцать лет семейной жизни – не фунт изюма.

Но в этот раз до выжигания дело не дошло, хотя с утра всё складывалось против Володи.

Мастер цеха вписал в калькуляцию ошибочные параметры заказываемой детали. Две линии остановились, потому что слесарям не с чем было к станкам подходить. А зарплату им плати! Новые заготовки обещают через неделю.

Начальник цеха, главный инженер, замдиректора – все отметились, все Володю обматерили. А Володя мастеру только кулак показал: тот сам отлично понимает, что наделал, только что на коленях не стоит.

На улице поскользнулся, на шпагат поехал, брюки треснули в самом неподходящем месте – на заднице. До дома приставным шагом, развернувшись к стене, семенил.

Опять-таки лысина! Проклятие его жизни!

Теперь мода на бритых, каждый второй под нолик стрижется. А Ленка ему упорно средства от облысения покупает! Отвращает ее лысина.

Правильно! Ему тоже с детства запало: «Что я, лысый?», то есть убогий и никчемный. Родные детки не отстают от мамочки, обсуждают рекламу пересадки волос по телевизору.

– Из донорской зоны берут? – Настя критически смотрит на затылок отца. – Если у тебя отсюда пересадить, то получится редкий одуванчик по всей голове.

– Папа, – дергает себя за вихры сын, – а хочешь мои?

Не по нраву им лысый папа!

Чтобы отслеживать процесс выпадения волос или, напротив, эффективности применяемых средств, Володя втайне от всех лысину измерял. Не сантиметром, конечно. Была у него веревочка с узелками, прятал в кармане халата. Нет веревочки! Ленка халат постирала, а веревочку, наверное, выкинула. Все против него!

Пришел домой, открыл дверь своим ключом. Лены нет, дети бьются смертным боем.

Не стал разбираться, кто прав, кто виноват, кто у кого что украл, за шкирки схватил и приподнял над полом. Ногами в воздухе дрыгают и продолжают обзываться. Слегка стукнул их лбами, гаркнул:

- Молчать!

- Ну, папа! – вырвалась Настя. – Не разберешься, а руки распускаешь! Как держиморда!

Петька ему за спину шмыгнул и захихикал:

- Ой, пап! У тебя брюки порвались, и трусы видно. Розовые!

Никто его не уважает! Включая детей! И он тысячу раз просил жену не покупать белье идиотских расцветок! Как же! «Такая симпатичная клеточка!» – мысленно передразнил Володя жену.

Дальше – хуже. Пришла Лена и всучила ему очередное средство от облысения. Думал: в ванной успокоюсь, а после ужина прибор для выжигания достану. Не получилось! Веревочка с узелками пропала, и Иванова заявила, дров в костер подбросила. Вот баба! На три разделить – все толстухками будут. Как она сказала? «Рога выводишь?» Сволочь!

Володя дошел до крайней точки кипения.

Ему хотелось, как пьяному буяну, крушить всё вокруг или совершить какой-нибудь прежде невысказанный поступок. Крушить – это напугать жену и детей. Он выбрал невысказанный поступок. Схватил чемодан, бросил в него первые попавшиеся вещи и хлопнул дверью.

Приехал к давнему, с институтских времен, другу Гене Лидину, владельцу комнаты в коммунальной квартире, полученной после развода с женой. На расспросы Володя отвечал односложно: заткнись! пошел к черту! не твоё дело!

- Бунт на семейном корабле? – спрятал усмешку Гена. – Прибор для выжигания сломался?

– В глаз хочешь?

– Совсем не хочу! Но могу предложить бутылку пива и колбасу «Докторскую», сто граммов. От сердца, то бишь от завтрака, отнимаю. Хлеб кончился, есть пряники, свежие, в прошлом году купленные.

Володя поужинал колбасой с пивом и каменными пряниками. Лег на раскладушку, которую хозяин разложил у окна. Сам он укладывался на диванчике и продолжал болтать:

– Ты, случайно, у себя дома хладные трупы не оставил? Ты же во гневе! Не приведи судьба под руку подвернуться! Помнишь, в общежитии кастрюлю с пельменями надел на голову Ваське Смирнову? Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав. Кстати, Юпитер, если ты у меня собираешься жить, то я беру за постой. Недорого: посуду мыть, бельишко простирнуть, в магазин за пивом сбегать. Спишь, что ли?

Володя, не отвечая, демонстративно повернулся к стене лицом. Раскладушка жалобно заскрипела.

– Спокойной ночи, Юпитер! – пожелал Гена.

Уснуть Володя не мог. Бешеное кружение мыслей, обид, упреков, проклятий замедлилось, потом вовсе остановилось, и проблемы выстроились по ранжиру.

Ленка ему изменяет? Абсурд! С другой стороны, Ирина Алексеевна из отдела главного технолога! Мышка-норушка, пятьдесят четыре года, о вечном пора задуматься, пенсия на носу, а она влюбилась в какого-то датчанина, тот взаимно воспылал. Ирине выезд за границу не позволен – допуск к секретам имеет, теперь обивает пороги ОВИРов и правозащитных организаций. А бывший муж, тоже у нас работает, дурак-дураком выглядит. Кстати, муж лысый!

Как толстая Иванова мерзко вопила! Рога выводишь! Бессильный! Немощный! Да он сколько раз давил в себе! Видит – Ленка от усталости на ногах не стоит, на лету засыпает. Как последний эгоист лезет приставать к ней. Пусть отдохнет человек, и утром можно. А утром она ни свет ни заря у плиты, дети опять-таки.

Носят по квартире и выясняют, кто у кого фломастеры стащил. Не до секса, на завод пора.

От чего, собственно, Ленка усталая? Работа у нее – не бей лежачего. По дому хлопотать – не уголь в забое добывать. Неужели на стороне имеет? Любовник? Иванов! Если жена его припёрлась – значит, неспроста. Как Лена испугалась! Чего испугалась? Кулаков Ивановой? Но ведь он, Володя, рядом был и с женщиной, даже монументальных форм, справился бы. А Лена испугалась! Натурально испугалась! Как уличенная в грехе прелюбодейка!

Его Ленка прелюбодейка? Бред! Это ей чуждо. Всё человеческое ей чуждо? Женщина в полном расцвете. Правда, цветет не розой яркой, не буйной сиренью, а скромно – полевой ромашкой. Она и девушкой такой была – в букете не заметишь, а отдельно присмотришься, и не хочется из рук выпускать.

Стройотряд пищевого института объединили с ними, бравыми станкостроителями, для авральной сдачи коровника. Володя стропила ладил, а Лена с ведром цемента шла. Тростинка! Сгибается от тяжести, но топает. Впереди подъем – доска с рейками вроде лестницы. Всхлипнула жалобно, но полезла.

Он загадал тогда: не свалится, будет моей женой. Эх, какое время! Поцелуи до рассвета на берегу речки. Комары звенят! Почему в молодости комары не досаждают? У него тогда шевелюра была. Не особо густая, конечно, но была.

А как Ленка вздрогнула, когда он ей под майку полез и грудь захватил! «Зачем ты?» – спросила. И столько в ее вопросе было наивности и чистоты девичьей, что у него горло перехватило. Враз пропало дикое желание, а на его место заступило неведомое прежде стремление беречь и лелеять это сокровище.

«Затем, что я люблю тебя!» – хрипло ответил. – «Правда? – обрадовалась, как ребенок. – Я тебя давно заметила. Ты – особенный. Все какие-то вихлястые, выпендрёжные, а ты... Ты другой! Настоящий, самый-самый лучший!» Взяла его ладони и на грудь себе положила. Губы от страха закусил, точно он пытает ее будет. Он крепился, тихо и нежно целовал, пока деревянная напряженность в ней не пропала...

– Чего ты скрипишь? – проснулся и подал голос с дивана Генка. – Чего ты ворочаешься? Клопов у меня нет. С собой принес?

– Заткнись и спи! – ответил Володя.

Конечно, изменить Ленка не могла, а он круглый дурак. Минуточку! Он не дурак, и имеются факты, а также аналогии. В жизни – сбрендившая из-за датчанина Ирина Алексеевна, в литературе – Анна Каренина. Обманутый Каренин, кстати, был лысым!

Проворочавшись на сиротской раскладушке, забывшись сном, Володя так и не пришел ни к какому выводу.

На следующий день раздражение и агрессия уменьшились, но окончательно не пропали. Среди чувств, которые испытывал Володя, покинув семью, была и легкая радость нечаянной свободы и тайное удовольствие от тех страданий, которые испытывала жена. Он никогда не забывал, что несет на плечах большой груз ответственности за Лену и детей. И теперь его семья не испарилась. Но Володя получил вроде передышки: снял груз, налегке двигается.

Бывают обиды заслуженные, незаслуженные, а еще – надуманные, когда свалешь дурака и по глупости надуешься. Но на характер вспыхнувших эмоций и переживаний это не влияет. Тебе одинаково больно: ранят тебя в бою или кирпич на голову упадет.

Есть обида – должны быть ответчики. И поэтому Лена, даже если она чиста как ангел, всё равно чуточку виновной оставалась. Володя не думал мстительно: «Пусть мучается, страдает!» – но еще одну ночь провел на чужой раскладушке.

Он получил зарплату, приехал домой, уже подошел к своей двери, протянул руку к звонку, но неожиданно повернулся и стал подниматься этажом выше. Сомнения остались, их необходимо разрешить.

Ему открыл сосед Валера.

– Здравствуй, твоя жена дома? – спросил Володя.

Валера только что принял первую рюмочку и двигал челюстями, закусывая. С порога предложил выпить, но Володя отказался. Слегка морщась – он не любил врать, – Володя спросил, не возражает ли Валера, если они с Леной уединятся на кухне: надо обсудить подарок для жены.

– Так ведь не в спальню же? – подмигнул Валера. – Иди, она там, огурцы маринует.

Увидев Володю, соседка радостно защебетала: давно они не виделись, надо чаще собираться, ей вот замечательный рецепт дали для маринования – с аспирином и еще одним лекарством от ревматизма. Говорят, огурчики получаются как свежие.

– И грипп не страшен? – усмехнулся Володя.

– И суставы ломить не будет, – подхватила Лена. – Я тебе дам одну баночку с собой.

– Спасибо, у меня на многие лекарства аллергия. Лена, я вот о чем хотел поговорить с тобой. Даже не знаю, как начать. Ты только, пожалуйста, не обижайся, ни в коем случае не хочу тебя оскорбить, но мне нужно выяснить... Видишь ли, к нам заявила одна дама. Любовница, нет, то есть жена некоего Иванова. Она утверждала, что моя Ленка – его, Иванова, любовница. Фу, как путано я говорю. Словом, ты не знаешь этого Иванова? Потому что моя жена говорит, что эта Иванова шла к тебе...

Лена натурально изобразила оскорбленную невинность: вытаращила глаза, всплеснула руками, уронив стеклянную банку.

– Валера! Валера! – завопила она.

Валера пришел только тогда, когда его имя прозвучало в пятый раз. К этому времени Лена уже рыдала – громко, с причитаниями и со стонами.

– Ой, да что же это?! – вскрикивала она. – Раз в жизни оступилась, так теперь мне славу такую?!

– Ты чего воешь? – Валера обескураженно смотрел на жену и Володю. – Вы же подарок обсуждаете.

– Подарок? – с упреком простонала Лена. – Знаешь, какой он нам подарочек приготовил? Его Ленка с любовниками путается, их жены приходят разбираться – на весь подъезд орут, даже из тридцать четвертой квартиры глухая бабка слышала, а он, – Лена ткнула пальцем в багрового от стыда Володю, – на меня всё сваливает.

– Как это? – не понял Валера.

– Один раз, всего один раз, – причитала Лена, – грех попутал, я же больше ни в жизнь. Я тебя, Валерочка, единственного люблю.

– Ну, не один раз, – Валера показал жене кулак, – но я всё равно не врубаюсь. Мужик, ты чего от моей жены хочешь?

– Собственно, ничего, в общем, – замялся Володя.

– Может, и не он вовсе, – Лена ладошками вытирала слезы со щек. – Жена его придумала, что любовники дверьми ошиблись. Мол, они мои, а не ее, а я ни сном ни духом, не мои они, а ее, а я...

– Подожди, – махнул на нее рукой Валера, – не тараторь.

Мысль в захмелевшей голове Валеры пробиралась со скоростью ледокола в Арктике.

– Вовка, ты с моей женой ни-ни?

Володя схватился рукой за голову:

– Никогда.

– Его жена гуляет, а я что, виновата, что у нас имена одинаковые? – снова запричитала Лена.

- Молчи! - прикрикнул Валера. - Все - назад! Ты зачем пришел?

- Выяснить... сложилась такая ситуация... - мялся Володя.

- Слушай, если я сейчас не выпью, - перебил его Валера, - ни за что не введу.

- Налей и мне, - попросил Володя.

- И мне, - сказала Лена. - Разволновалась, ужас просто.

Она шумно высморкалась в кухонное полотенце и достала закуску.

Володя опасался есть лекарственные огурцы, а бутерброды с колбасой в голодном желудке нейтрализовать действие водки не смогли.

Рюмка за рюмкой, и он основательно захмелел.

Валера не мог постигнуть суть произошедшего: кто чью дверь перепутал, кто к кому приходил отношения выяснять и кто чего наговорил. Но он остался успокоенным по главному вопросу: его жена не загуляла в очередной раз. Она и Володя наперебой убеждали его в Лениной верности, с каждой стопкой всё более горячо.

- Кто тогда любовник? - спрашивал Валера. - Ты, Вовка, того... ходок?

- Ни вправо, ни влево! - отрицательно мотал головой из стороны в сторону Володя.

Лена великодушно пришла на помощь.

- Тебе же объясняют! - Она заговорщицки толкнула соседа под столом коленкой и прижатую ногу не убрала. - Сумасшедшая тётка ходит по квартирам и всех женщин подозревает, что они с ее мужиком крутят. К нам придет, ты ей не верь! Правда, Володя?

Он снова затряс головой, теперь – утвердительно. Отодвинулся от горячего бедра соседки. Заигрывания он воспринял как выпроваживание.

– Мне пора. Спасибо! Извините!

– Я поначалу расстроился, – говорил Валера, провожая соседа, – вдруг бить тебя придется, а ты мне нравишься, порядочный ты мужик, Вовка. Мало таких осталось. Ты как, не перебрал? За перила держись.

Алкоголь всегда обострял у Володи предшествующее чувство. Если до выпивки он пребывал в расслабленно-сентиментальном настроении, то, охмелев, мог расплакаться, слушая протяжные грустные русские песни по радио. Если настроение было веселым, мог пуститься в пляс, думал о детях – принимался за длительные нравоучительные беседы. Теперь же подозрение о неверности жены превратилось в абсолютную уверенность. Раздражение – в острую злость. По ее вине он оказался в нелепой ситуации: врал, выяснял у порядочной женщины, верна ли она мужу.

Спускался по лестнице и из каждой ступеньки, как из клавиш рояля, выбивал, произнося вслух, грехи своей жены:

– Чай заваривает слабо... экономит... сериалы идиотские... вместо футбола... собаку не дала завести... друга Генку не любит... яйца всмятку... ненавижу... трудно ей вкрутую сварить... порядком своим замучила... где ножницы, где ножницы... маму... с ноябрьскими забыла поздравить... в прошлом году... есть такой праздник... пусть не празднуют... а я с детства... шарики, транспаранты... ей на мое детство начхать... и еще изменяет... вот... дрянь такая...

Он надавил на звонок с такой силой, словно хотел расплющить его, и не отпускал до тех пор, пока испуганная Лена не открыла дверь.

– Ты? Что случилось?

– Вот зарплата, – сказал Володя, входя в квартиру и путаясь в карманах.

Он снял с вешалки кепку, вывалил в нее мятые купюры, высыпал монеты. Несколько секунд смотрел на деньги, потом пробормотал:

- Себе возьму на проезд в ваще... обще... - в обобществленном, - выговорил он с трудом, - транспорте.

Выгреб из кепки мелочь, пытался засунуть ее обратно в карман. Но вывернутая подкладка не поддавалась, мелочь покатила по полу.

Володя отчаянно пытался не шататься и сохранять равновесие. Снова посмотрел на кепку и надел ее на голову, вместе с деньгами, которые смешным комом вздулись на его макушке.

Лена присела и собрала монетки, протянула их мужу.

- Оставь себе и это! - гордо заявил Володя. - Всё у меня забрала! Украла! Где дети?

- Уроки делают. Ты выпил?

- Почему дети не спят до сих пор?! - рявкнул Володя.

- Потому что еще нет девяти часов.

- Смотри мне! - потряс Володя указательным пальцем перед ее носом.

Они топтались в узкой прихожей. Лена от волнения забыла все приготовленные слова.

- Что «смотри»? - залепетала она. - Как ты мог?

- Я мог? Мало того что ты сама... сама изменила мне, ты еще пыталась очернить другую женщину, только потому, что когда-то в ее судьбе, то есть в судьбе, была ошибка. Ты низкая, продажная баба!

- Что? - изумилась Лена. - Как ты меня назвал? Дурак! Пьяный дурак!

Прибежали Настя и Петя, испуганно застыли в проеме.

– Дети! – гаркнул на них Володя. – Почему не спите? В кровать – я сказал! Буду сам вас воспитывать, потому что ваша мать... мать ваша... вашу...

– Заткнись! – топнула ногой Лена. – Немедленно прекрати! Проспись, а потом поговорим!

– Проспись? – зацепился Володя за слово. – С тобой проспись? Никогда! Ты... все вы! Анна Каренина! – Володя презрительно ткнул в Лену пальцем. – Ирина с иностранцем! Все вы! И в литературе, и в жизни!

– Какие иностранцы? Что ты несешь?

Лена отвечала не по правилам. Никаких тебе «Володенька! Извини! Не кричи, я не слышу!».

Напротив! Сама во всю глотку вопила:

– Бессовестный! Надрался! Ушел! Пришел пьяный! Как тебе не совестно! Детей постыдись!

– Дети! Сам их воспитаю! Но они должны спать!

Мысли путались, но одна сидела железно: он тут не останется, он с ней не будет! Пусть еще радуется, что он сдерживает себя, а ведь очень хочется врезать кулаком в ее гладкое лицо, почувствовать, как мнется нежная кожа. Да что там побить, ему хотелось убить ее, пусть помрет, проклятая, а детей он сам воспитает.

Кажется, уже говорил.

И Володя в третий раз с тем же посылом через голову жены обратился к Насте и Пете:

– Ничего не бойтесь! Спартанское воспитание! Обеспечу! Но спать по режиму!

– Папа, – сказала Настя, – мне кажется, тебе самому не мешает сейчас поспать.

Володя не слышал дочери, ему хотелось уйти красиво: гордо и презрительно. Но, повернувшись на месте, он нечаянно врезался в косяк двери. Дети захихикали.

Лена знала, что Володя пьянствовал этажом выше. Соседка позвонила, предупредила:

– Мы тут с твоим сидим, поддаем немного. Всё улажено, не нервничай. Я же обещала, что не брошу тебя в беде.

Вот и не бросила!

Но когда муж ушел, Лена стала терзаться: как бы с ним, с пьяным, не случилось беды.

Она раз десять позвонила Гене Лидину (больше ночевать Володе было негде), пока не получила информацию: явился, в метро не уснул, ограблен не был, чуть-чуть выпивши.

– Знаю я ваши чуть-чуть! – Лена бросила трубку не прощаясь.

Хотя ни Володя, ни Гена не были алкоголиками или даже сильно пьющими, сейчас они Лене казались последними пропойцами.

Многодетный отец

Действие автопилота закончилось на пороге Генкиной комнаты, Володя упал на руки друга. Гена усадил его на стул, стянул кепку и недоуменно уставился на купюры:

– На паперти промышлял?

Володя застонал, увидев, что деньги при нем. Обхватил голову руками.

– Японский городской! – выругался он.

Качнулся на стуле, не упал, потому что Гена его подхватил.

– Ну, брат! Ты надрался! Поесть и спать? Или сразу спать?

– Сразу. Но с ней я спать не буду! – капризно пробормотал Володя.

– Хорошо, тогда на ней, на раскладушке. Давайте, ваше величество, я помогу вам раздеться и провожу в опочивальню.

Наутро Володя не помнил подробности того, как ехал пьяный по Москве, как добрался, был раздет и уложен.

С Геней Лидиным Володя дружил с первого курса института. Володя приехал в столицу из Большеречья, Гена был москвичом, оба поступили в станкостроительный. Первого сентября их посвятили в студенты и тут же отправили в колхоз на картошку. Там они и сошлись на основе «против кого дружите?». Дружили против одноклассника – карьериста, пройдохи, демагога и в целом мерзкого типа, к которому быстро приклеилась кличка Позвоночник. Тяжести таскать – у него позвоночник травмирован, а в бригады выбраться, на кухне пробы снимать, стенгазету с графиками малевать, речи патриотические произносить – он первый. Среди студентов-технарей не много краснобаев находилось, а этот соловьем заливался о стоящих впереди задачах. С трибуны одно вещал, в кулуарах исповедовал принцип «всё делается по звонкам» – одно слово, Позвоночник.

Ни Володя, ни Гена на руководящие посты в профсоюзной или комсомольской организации не рвались. А Позвоночнику очень хотелось порулить, уже в колхозе избирательную кампанию начал – голоса собирал. Преподаватели ставили его в пример – образцовый студент; девушки заглядывались – основательный парень и добытчик. Апельсины в столовую привезли – спасибо Позвоночнику, крышу в бараке починили – он позвонил кому следует. Гена и Володя находились в малочисленной, но стойкой оппозиции.

Позвоночник, который руки в землю не опускал, а только боевые листки рисовал и по снабженческим делам мотался, всегда одетый в чистенькое, был в то же время жутко вонючим типом. Все они не шанелями благоухали, баня раз в неделю, но, когда Позвоночник ботинки вечером снимал, – без противогаза не спастись. Генка его несколько раз предупредил: «Не будешь, гад, носки стирать, морду набью!» Не послушался. Пришлось учить. Володя держал активиста, а Генка ему снятые с батареи нестиранные носки в рот запихивал.

Потом это называли пьяным дебошем и избиением товарища. Володя и Генка, еще не начав толком учиться, едва не вылетели из института. Спасибо, ребята на комсомольском собрании отстояли, за строгий выговор проголосовали.

Позвоночника избрали во всевозможные общественные организации, вплоть до какой-то международной студенческой в поддержку молодежи Африки. На втором курсе он сгинул – перешел на заочное отделение и ковал карьеру в горкомах и обкомах. Теперь, говорят, чуть ли не в правительстве заседает. А закаленная в борьбе дружба Володи и Генки осталась на всю жизнь.

Гена любил в новой компании симпатичным девушкам заявить:

– Мужчина я основательный, пятерых детей имею.

Девушки хихикали – забавно пошутил.

Представить себе, что этот жгучий брюнет, подтянутый и стройный, больше тридцати лет не дашь, – многодетный отец? Смешно!

Между тем Генка говорил чистую правду, у него действительно было пятеро детей – три мальчика и две девочки.

Генка женился на третьем курсе на студентке юридического института Людмиле, которую все звали Милая Мила. Ее отец был геологом и на полгода уезжал в поле, мать преподавала философию вечерникам. Детство Милы – это одинокие вечера в пустой гулкой квартире, со страшными шорохами и скрипами, с чудовищами под кроватью, с мертвецами в шкафах и прочими детскими ужасами.

Единственными живыми звуками, вызывавшими у Милы острую зависть, были шумы из-за стенки. В соседней квартире жила семья с тремя детьми, которые постоянно устраивали побоища.

Мила не хотела повторения собственной судьбы и дала себе слово, что родит троих детей. Генка не возражал. Впрочем, предложи тогда Мила операцию по стерилизации, по радикальному страхованию от детей – как скучающих, так и буйствующих, – он бы и на это согласился. Его любовь была готова на все жертвы.

На четвертом курсе у них родился сын. На пятом курсе второй сын. Мила чудом, эксплуатируя сострадание преподавателей к своему животу и званию кормящей матери, доучилась и получила диплом. Через три года хотела родить дочку, получилось с перевыполнением – две девочки-близняшки.

Мила не вылезала из пеленок, горшков, ветрянок, простуд, не отходила от стиральной машины и плиты, как на работу ходила в детскую поликлинику. Сварила, наверное, цистерну манной каши и выстирала белья на хорошую армию. Гена трудился на трех работах, летом ездил на шашки – строить дачи.

Словом, из кожи лез, чтобы семью обеспечить. Но параллельно и, естественно, тайно он удовлетворял на стороне свои буйные страсти, разбуженные женой, вечно либо беременной, либо кормящей, очумевшей от хлопот и забот.

Ему удавалось крутить скоростные романы на стороне шито-крыто, пока не случилась накладка. Лежал в больнице с вырезанным аппендиксом и соблазнил медсестричку. Вспоротый и зашитый живот не помешал Гене предаваться по ночам любовным утехам в комнате с неромантическим названием «клизменная» – там был топчан, на полках стояли шеренги суден для естественных надобностей лежащих больных, и отчаянно пахло дезинфекцией.

Гена выписался, тепло простился с дамой, но через два месяца она явилась к ним домой и заявила окаменевшей от потрясения Миле и Генке, напротив, сотрясаемому нервным тиком:

– Значит, так! Я беременная. Аборт делать не хочу, потому что тридцать пять уже стукнуло, пора рожать. Вы извините, – кивнула она Миле. – А ты! – ткнула пальцем в Генку. – Неси ответственность вплоть до суда. Я зачем пришла?

Будешь отцовство признавать или в суд пойдем?

Гена проблеял что-то неразборчивое.

Мила встала, ушла в соседнюю комнату и легла на диван лицом к стене. Генка кое-как выпроводил, пообещав отцовство, Медичку. (Ее потом все так звали – Медичка, без имени и фамилии. И даже неповинного мальчика, который родился, величали Сын Медички, забывая, что у ребенка есть нормальное имя Саша.)

Мила пролежала на диване трое суток. Без воды, питья, не вставая, как мертвая. Генка ползал на коленях по ковру, вымаливая прощение, плакали дети, есть просили – Мила не шевельнулась.

Вывела ее из ступора Лена Соболева, которой Володя рассказал, что в семье друга творится, и попросил:

– Может, ты к Миле съездишь? Там уже дети охрипли от крика, а Генка на части рвется.

Володя благоразумно умалчивал масштабы Генкиного распутства. Если бы все Генкины дамы сердца были медичками, то они составили бы штат большого госпиталя коек на пятьсот. Хотя Володя представлял измену друга как случайное помешательство на фоне аппендицита, Лена догадывалась, что Генка серийный гуляка.

Она помчалась на помощь. Успокоила детей, накормила, переодела, отправила с папочкой гулять. Выстирала белье, убрала в квартире, сварила куриный бульон и только тогда подошла к безучастной Миле. Заговорила с ней, как с маленьким ребенком:

– Вставай, моя девочка! Пойдем умоемся, покушаем! Бери меня за шею! Ой, какая слабенькая, какая девочка у нас худенькая! Вот так, потихоньку, пошли.

Мила подчинилась. Лена раздела ее, посадила в теплую ванну, вымыла голову, потерла спинку – всё с причитаниями, как над младенцем. Завернула в халат, привела на кухню, поставила перед ней бульон с лапшой. Пластинку Лена

сменила: теперь говорила о детях.

Выросли, вытянулись, у старшего царапина на щеке, как бы не загноилась, средний двойку за диктант получил, учителя – изверги, всего-то семь ошибок, а у девочек-близняшек завтра утренник в детском саду, надо платяца приготовить.

Лена не закрывала рта, Мила водила ложкой в тарелке, потом подняла голову. Лене стоило труда не ахнуть: глаза у Милы ввалились и сверкали нечеловеческим блеском.

– Дети! – с видимым трудом произнесла Мила. – Знаешь, что самое тяжелое? Если бы не они, я бы могла с собой покончить. Зачем мне жить? Только ради детей. Понимаешь? Самые любимые – обуза, которая не позволяет поступить как хочешь.

Продолжения не последовало, хотя Лена предполагала, что Миле надо выговориться, нарыдаться, посуду побить – словом, выплеснуть наболевшее. Но Мила молчала, тогда заговорила Лена:

– Для себя жить? Это всякий дурак сможет. А вот силы найти, чтобы не петлю на шею вешать, а своим родным, кровиночкам, будущее обеспечить! Это и есть тяжело. Остальное – эгоизм.

– Силы? – переспросила Мила, и у нее впервые появились признаки интереса. – Ты права. Силы! Я докажу! Я найду силы!

Она вдруг стала быстро хлебать суп. Первые ложки глотала с трудом, бульон с лапшой просился наружу, но потом вошла во вкус и даже полкурицы с овощным гарниром слопала. Лена опасалась, как бы после голодовки ей не стало дурно. С другой стороны, хороший аппетит – признак жизни, как и расстройство желудка, с которым на диване валяться никто не сможет.

С этого дня Милая Мила исчезла, вместо нее появилась Людмила Сергеевна. Когда запустили по телевизору рекламу молочных продуктов «Милая Мила», Лена только вздыхала – у нас такая тоже была, настоящая.

Гена решил, что отделался малой кровью.

Жена истерик не устраивает, даже детское приданое, ползунки-распашонки от близняшек передала Медичке. На вопрос: «Ты меня простила?» – Людмила отвечала расплывчатым: «Дай мне время». Но ведь не отказом! К телу не допускала, но Гена готов был ждать, как и все предыдущие годы.

Людмила выписала из провинции троюродную бабушку сидеть с детьми, то есть отводить их в школу и в садик, покупать продукты, готовить еду, убирать, стирать – вести хозяйство. Плата – минимальная: питание и приют. Двухкомнатная квартира, где и раньше было тесно, превратилась в муравейник.

Гена кривился, но молчал. Людмила вышла на работу. По специальности она была нотариусом. Как известно, о некоторых профессиях в новые времена говорят «позолотилось место».

Был заштатным бухгалтером – теперь нарасхват. Занимался химерной рекламой товаров и услуг в советские дефицитные времена – нынче гребешь деньги лопатой. Нотариусы сидели в пыльных полуподвалах – теперь к ним на карачках ползут.

Людмила быстро пошла в гору, потому что занялась профессией, когда спрос на нотариусов основательно превышал предложение. Повезло. Через год она с коллегой открыла свою нотариальную контору. Трудилась сутками, детей видела мельком, в их проблемы вникала нахрапом: «Быстро и четко мне объясни! Так. Мальчик из параллельного класса издевается? Его фамилия? Адреса не знаешь? Хорошо, я разберусь». Плохой мальчик быстро усмирился, потому что с его папой клиенты Людмилы Сергеевны проводили дружескую беседу.

Откровенным уголовным криминалом она не занималась. Скажем, не регистрировала сделки с гроздьями доверенностей по купле-продаже квартир у бедных пенсионеров или хронических алкоголиков. Но и те коммерсанты, что стали постоянными клиентами, работали не в белых перчатках. Время такое: честного перераспределения собственности не бывает.

Людмила работала, как проклятая, копила деньги и через три года объявила мужу:

– Всё! Теперь мы разводимся. Больше ты мне не нужен. Спокойно! Без истерик! Рот закрой, а то муха влетит.

Рот у Гены был закрыт. Но Мила три года готовилась к этой сцене, к этому объяснению, и рефреном повторяла мысленно глупую фразу про муху и открытый рот. Миле хотелось нанести мужу удар, по силе не меньший, чем тот, которым он едва не убил ее. И глупая муха держала ее на плаву, помогала работать на пределе сил и не обращать внимания на самое главное – на детей.

Произнеся заготовленные слова, выплюнув яд, Мила не почувствовала ни удовольствия свершившейся мести, ни злорадства победителя – ровным счетом ничего особенного, разве только легкость освобождения от «мухи».

– Я тебе покупаю комнату в коммуналке, – продолжала она. – Сама с детьми переезжаю в другую квартиру. Бабушка отправляется домой, вместо нее будет квалифицированная гувернантка. Варианты уже подобраны. Отцовские права никто у тебя не отбирает. В будни у детей английская школа, спорт, изостудия, балетные танцы. Они с удовольствием будут встречаться с тобой по воскресеньям, если, конечно, встреча не совпадет с какой-нибудь исторической экскурсией по Золотому кольцу или с зарубежной поездкой. Извини, твоя будущая комната – не будуар Марии-Антуанетты в Трианоне. Но ведь и ты не Людовик! Карбкайся самостоятельно. Или с помощью медичек. Меня это не волнует. Алиментов от тебя не требуется. Я написала отказ от алиментов и заверила его. Признаться, с целью обезопасить детей от твоих посягательств в будущем.

Гена – болтун, словобрех, любитель каламбуров – молчал. Смотрел на Милу с обидой, близкой к ненависти. Он долго и терпеливо ждал, что Мила одумается. Кое в чем себя ограничивал и брал больничные по уходу за детьми. На работе о его многодетности знали и сочувствовали.

А еще Медичка! Денег ей всегда мало, а претензии не кончаются: «Почему ты, как отец, не можешь с Сашкой погулять, пока я на оптовом рынке закупки сделаю?» Внебрачный сын был похож на папу как две капли. Но странное дело, Гена не испытывал к золотушному мальчишке никаких отцовских чувств. От Милы – его, настоящие, а Медичкин... Хоть тресни – ничего в душе, кроме досады.

– Что ты молчишь? – спросила Мила, которой хотелось что-то услышать. Но что именно, не знала. – Тебе понятен мой план или повторить?

На Гене был надет кухонный фартук, ужин готовил. Милый семейный ужин: жена-трудяга пришла с работы, дети уроки сделали, бабушка-нянька стирку закончила... Гена медленно завел руки за спину, дернул за бантик, снял фартук, положил на стол. Поднял на Милу глаза и отчетливо произнес:

– Пошла ты на...

Краем глаза, выходя из кухни, отметил удивленный и обнадеживающий всплеск интереса. Плевать! Его тоже не на помойке нашли и не пальцем делали. Она работает! А он с третьего курса – дворником, истопником, на халтурках! Груши околачивает? Не хочет простить – ладно! Но даже не задумалась, что с ним, со здоровым мужиком, происходит! Свои обиды дороги, а его горести – коту под хвост? Нотариус! Шлепнула печать, деньги в ящик. А дети без материнской ласки! Теперь у них и папа только по выходным будет появляться. Они в чем виноваты? В твоей ревности железобетонной? Медичка в сравнении с тобой – святое материнство.

Гена швырял вещи в сумку, чтобы отправиться на временное жительство к Соболевым, услышал за спиной голос жены.

– У тебя, – запинаясь, через силу, произнесла Мила, – есть другие предложения?

– Нет! – просипел Гена. – Только пожелание. Чтоб ты сдохла!

Лена Соболева, точно зная, что произошло между Геной и Милой, какие страшные слова они бросили один другому в лицо, всё-таки оставалась в твердом мнении: Гена и Мила любят друг друга! Любят даже без детей, а с детьми тем более! Да, погорячились! Но вот у свёкра, у Володиного папы, есть брат, живет в поселке в двадцати километрах от Большеречья. Он свою жену иначе как на букву «б» не называет! Но ведь видно, что любит глубоко и по-настоящему!

Через год или год с лишним Лена получила подтверждение своим догадкам. Мила неожиданно пригласила ее в кафе. Давно ведь не виделись, хорошо бы встретиться. А потом выяснилось, что дату отмечает. В этот день состоялся первый поцелуй Милы и Гены в переходе метро. Вот и пожалуйста! Лена в муже души не чает, а когда у них случилось, то ли в июле, то ли в августе, не помнит. А Мила празднует!

Гене, дав слово его бывшей жене, Лена ничего не сказала. Конечно, если бы видела в нем особое рвение в семью вернуться, то не умолчала бы. Но Гена хорохорился и заявлял, что на его век медичек хватит.

Да и Людмила говорила с насмешкой о себе:

– Я не женщина, я вумен, бизнесвумен. С тобой, Лен, слабинку дам, расслаблюсь, а потом снова ярмо на шею, удила в зубы. Тебя подвезти? Нет? Значит, встретимся через год?

Штанга – понятие растяжимое

Комната Гены Лидина в течение долгого времени служила мелкой мастью в длинной череде разменов. В ней витал дух вокзальной пересадки – чего-то временного, необжитого, торопливого, чего-то, что никуда не ушло и с поселением нового жильца. Потому что Гена не делал ремонта, не заботился о приобретении мебели, порядок наводил путем разгребания мусора по углам. Он был нетребователен к комфорту и покушения залетных дам на создание уюта в его берлоге рассматривал как попытку заманить его в ЗАГС. Жениться Гена не собирался, детей он наплодил сверх нормы, а прочих аргументов в защиту семейной жизни для него не существовало.

Две другие комнаты в квартире занимала восьмидесятилетняя старушка. Алчные родственники ждали ее смерти, точили зубы на жилплощадь. Но старушка держалась крепко.

Похоже, исключительно из стремления досадить старушкиной родне, Гена немного приплачивал соседке за уборку мест общего пользования. Следы этой

уборки не мог увидеть самый доброжелательный глаз.

Володину раскладушку поставили у окна под подоконник. Просыпаясь и вставая, Володя бился головой о бетонный край подоконника. По количеству бледных синяков и шишек на его лысине можно было сосчитать ночи, проведенные вне супружеской постели. На вырывавшиеся у Володи проклятия Гена каждый раз спокойно отвечал:

- И вам доброе утро, сэр!

Гена не спрашивал о причине ссоры Володи с женой, так как в его представлении она могла быть единственной: Лена застукала мужа с другой бабой. Володя не делился своими проблемами, потому что все советы Гены были известны заранее. В лечении болезней душевных он придерживался только одного принципа - искоренять подобное подобным.

Мысль о другой женщине была для Володи отвратительна. Если уж такая достойная представительница дамского рода, как Лена, оказалась порочной, то все остальные тем более распутны. Служить объектом для удовлетворения их похоти? Ближайший месяц точно не захочется.

Ему неприятно было вспоминать, как напился у соседей, наговорил грубостей Лене, на следующий день воровато передавал деньги Насте у школы.

- Папа, - спросила она, - ты надолго в бега подался?

- Посмотрим.

- Действительно веришь, что мама могла тебе изменить?

- Не твоего ума дело.

- Это же шиза! - рассмеялась Настя безо всякой почтительности к родителям.

Володя хотел ей сделать выговор, но прозвенел звонок на урок.

- Слышишь? Беги! И я на работу опаздываю. За Петькой присмотри!

– Оф кос! – попрощалась Настя по-английски и помахала рукой.

Володя с отвращением вспоминал дикое желание поколотить Лёну. До чего довела его! Он бьет женщину! Мерзко! Он даже детей никогда не наказывал ремнем. В отличие от Лёны, скорой на расправу. Он с подросткового возраста силой воли борется с природными чертами характера: вспыльчивостью и гневливостью. Но кого бы Володя изничтожил собственными руками, так это обидчика Иванова! Морду бы его размазал по стенке, кости переломал и всё хозяйство мужское размозжил!

Правильно дуэли отменили! Игрушки для меланхоликов! Мордобой справедливее во всех отношениях. Хотя что он может сделать с Ивановым, если у того две сотни килограммов весу? Две, конечно, преувеличение. Но и сто с лишним против его восьмидесяти пяти – роковой перевес в массе. Сила равна массе, помноженной на ускорение, – второй закон Ньютона.

Ни со своей, ни, тем более, с ивановской массой он поделаться ничего не может. Увеличить ускорение реально. Натренировать мышцы – повысится скорость движения кулака, то есть кинетическая энергия (масса на скорость в квадрате, делённая пополам). Если скорость кулака увеличится в два раза, то сила удара по морде Иванова возрастет в четыре раза. Заманчиво! А ведь у Иванова таких проблем нет!

Как говорится: бегемот плохо видит, но при его массе это уже не его проблемы.

Володя после душа рассматривал себя в мутном зеркале коммунальной ванной: слегка выпирающий животик, сосисочно висят руки – ни одной мышцы рельефно. Хвастаться нечем.

«Бокс?» – спросил он себя. И тут же почувствовал, как болезненным воспоминанием занял нос.

Отец Володи был офицером, и они много лет, пока не обосновались в Большеречье, переезжали из одного военного городка на окраине великой страны в другой. Когда Володе было двенадцать, родители служили в Казахстане, в маленьком поселке, окруженном пустыней, которая только весной пыталась превратиться в степь, а летом умирала под палящим солнцем.

В военной части организовали секцию бокса для солдат и, по просьбе женсовета, разрешили посещать ее подросткам – детям офицеров и прапорщиков. Во время второй тренировки сверхсрочник Козлов провел мастерский удар прямо в Володин нос. На секунду мир потемнел, глаза от брызнувшей боли, казалось, выскочили из орбит и укатились с ринга.

Несчастья на этом не закончились. Володю привели в санчасть, где хозяйничал фельдшер Георгий Кикнадзе.

– Садысь сюда, – велел тот и показал на стул. Осмотрев съехавший на одну сторону нос, Георгий поставил диагноз: – Нэ надо взэти в дэвызыю. Самы поправым.

У Володи стали потеть ладони, когда он увидел, что Кикнадзе выбирает скальпель: возьмет в руки один, посмотрит оценивающе, потом взгляд на Володин нос, швырнет с металлическим лязгом на поднос, берет следующий и снова к Володе примеряет.

Наконец выбрал, и Володя немного успокоился, так как Кикнадзе стал обматывать лезвие скальпеля бинтом.

Дальнейшие действия фельдшера, которые кощунственно было бы назвать операцией, заключались в следующем. Он вставил рукоятку скальпеля в левую Володину ноздрю (именно сюда и съехал нос), свою волосатую кисть прижал к его правому уху. И нажал!

Очень сильно нажал на скальпель и на ухо, оказывая сопротивление. Хруст раздался чудовищный, но слышал Володя его, теряя сознание. Последней мыслью была уверенность, что теперь глаза точно не удержатся в глазницах.

Очнулся от резкого запаха нашатырного спирта.

– Обоняние работает, слезы через нос тэкут, – констатировал Кикнадзе. – Здоров, можешь ытты. Нэ можешь?

Он взял Володю, у которого ноги и руки трепетали, как флаг на крыше штаба, и передал отцу.

С тех пор при слове «бокс» в Володином мозгу звучало эхо хруста носовых перегородок, и надеть перчатки его не заставило бы ничто на свете, даже измена жены.

На заводе, где работал Володя, был небольшой спортивный зал. Одну из торцовых стен в нем отделали зеркалами. Днем дети сотрудников занимались здесь гимнастикой и балетом, женщины – аэробикой. Вечером приходили мужики, приносили из подсобки гири, штанги, отодвигали от стен тренажеры и растили бицепсы, трицепсы и прочие достоинства мужского тела. Неизвестно кто с большим удовольствием рассматривал себя в зеркалах: девчушки, закрутившие ноги в пятую позицию, или любители-атлеты из гальванического и сборочного цехов.

Володя приходил теперь в спортивный зал каждый вечер, готовил свои мышцы для предстоящей встречи с Ивановым. На улицах его принимали за пьяного – так водило от усталости и чрезмерной нагрузки, которую он задавал своему телу, отвыкшему от физических упражнений.

Гену разбирало любопытство: что за женщина выбила Володьку из глубокой колеи верной семейной жизни и регулярно доводит до физического истощения. Как-то вечером, не без зависти глядя на измученного приятеля, Гена спросил:

– Как хоть ее зовут?

– Кого? – не понял Володя.

– Ту, кто тебя так ухаживает, что ты вилкой в тарелку попасть не можешь.

– Штанга.

– Ну и прозвище! Не обижается?

– На кого?

– На тебя и вообще.

– Какая ей разница? – Володя пожал плечами. – Ее все поднимают.

– Старик, ты умом тронулся? С кем ты связался?

– Потом поговорим, – отмахнулся Володя, свалившись на жалобно запевшую старыми пружинами раскладушку.

Проваливаясь в сон, он напоминал себе о подоконнике – не отметить на нем завтра утром. Естественно, забыл и припечатался.

Три дня после визита пьяного мужа Лена пребывала в настроении обиженной злости.

Она мысленно выстраивала сцены прихода Володи, его бурных извинений, придумывала монологи для него, смиренно кающегося, и для себя, гордой и неприступной. Но Володя не приходил, в ногах не валялся, а фантазии с каждым днем становились менее драматичными. Кроме того, книга, которую ей дала прочитать Алла, настолько поразила воображение Лены, что отдельные эпизоды нет-нет да и вспыхивали в памяти. Сумятица в мыслях – воображаемые сцены с Володей, сексологические откровения, упорные внушения подруги – зародили в душе Лены сомнения: не завел ли в самом деле Володя любовницу?

В один из свободных дней она отправилась в институт, где работал Гена, и вызвала его по телефону на проходную.

– Гена, я прошу тебя ответить мне честно, это для меня очень важно. У Володи есть другая женщина?

– Да ты с ума сошла! У Вовки? – Изумление и негодование Гены были столь бурными, что он сам удивился.

– А где он проводит вечера?

– Со мной. Мы в шахматы режемся. Я, между прочим, обставляю его как миленького. Вчера такую сицилианскую...

– Вчера ему звонила дочь, – перебила Лена, – и его не было дома, а потом, утром, он сказал ей, что был в спортзале.

– Правильно. Сначала продул мне две партии, а потом отправился заниматься спортом. Он в секцию записался.

– В какую?

– В лыжную, – от балды ответил Гена.

«Врать без пауз и сомнений» – выбрал он тактику.

– Он в юности легкой атлетикой занимался, – задумчиво сказала Лена. – И до зимы еще далеко.

– Поэтому они в спортзале и готовятся к зиме. Слушай, Ленка, не морочь себе голову, не забивай ее глупыми мыслями.

«Обманывает он меня? – размышляла Лена. – Нет, похоже, что искренне говорит. А вдруг всё-таки лукавит? Ну и я совру».

– Гена, но ведь он сам мне сказал.

– Что сказал?

– Что он, что у него, ну ты понимаешь, появилась...

– Лена, у тебя сигареты есть?

– Не курю.

– Мои в отделе остались. Подожди, я у вахтеров стрельну.

Во время короткой передышки Гена еще раз утвердился в тактике: не признаваться ни при каких условиях. Если женщина любит, то ее можно убедить даже в галлюцинациях – тебе, мол, привиделось, что я с другой целуюсь.

Исключение – визиты беременных медичек.

– Это он придумал, Лена. Хотел тебя позлить. Я бы заметил, вместе ведь живем. Клянусь честью, никого у него нет.

«Твоя честь понятие такое же растяжимое, как резинка в старых трусах, – думала Лена. – Тебе женщине соврать – что высморкаться».

– А как Володя тебе объяснил, почему он ушел из дома?

– С тобой поссорился.

– Не ссорились мы! То есть сначала не ссорились. Гена, а может быть, у него временное увлечение? Покуролесит и опять вернется ко мне?

– Конечно временное! – горячо поддержал Гена. – Он тебя страшно обожает! Сам удивляюсь! Натуральный мавр! Но, знаешь, в жизни мужчин бывают ситуации... – «Не туда меня несет», – подумал Гена, но остановиться не сумел. – Такие ситуации, когда разум отступает, а инстинкты бушуют. Ешь ты каждый день манную кашу – что, селедки не захочется?

– Да, – кивнула Лена, – я читала, и Алла говорит.

– Вот видишь! Но это временно, как грипп.

– У Володи сейчас грипп от манной каши? – Не дожидаясь ответа, Лена пошла к выходу.

«Я друга предал?» – испугался Гена и бросился догонять Лену.

Его суетливое подбадривание, бегающий взгляд, судорожные клятвы в верности Володи только утвердили Лену в мысли, что в ее жизни случилась страшная трагедия.

Она крепилась, позвонила Алле: срочно приезжай, умираю, концы отдаю. Но в голос расплакалась только дома.

- Что я говорила? - торжествовала Алла, когда Лена между всхлипами поведала о своем горе.

- Закон природы, - поддакивала Настя, которую не смогли выпроводить из комнаты. - И папа туда же. Может быть, это неплохо? Он доказал, что ему претит постоянство и бытовая рутина.

- Что ты несешь? - У Лены всегда пропадали слезы по поводу личных неприятностей, если она обнаруживала проблемы морально-нравственного сбоя у детей. - Отец к другой женщине ушел, а ты его оправдываешь? Дочь называется!

- Ты сама виновата, - заявила Настя, довольная тем, что мама перестала причитать. - Посмотри на себя! Кто сейчас ходит в тупоносых туфлях? В пальто столетней моды? А глаза? У тебя же вечно в глазах один вопрос: в каком магазине колбаса дешевле?

- Устами младенца, - кивнула Алла. - Я тебе говорила? Надо поменять имидж.

- И весь гардероб, - вставила Настя. - Юбочки в складочку, блузочки шелковые - деревня.

Лене хотелось сочувствия, а она получала от самых близких людей обвинения. Она была готова помчаться на край света, уговаривать, умолять мужа вернуться, а ее призывают поменять наряды.

- Ничего не понимаю, - признавалась Лена, - мы так хорошо жили. Я люблю его, у нас дети...

- Не распускай нюни, - велела Алла.

- Ты должна доказать, что ты лучше той женщины, - призывала дочь.

- Но как? - растерянно спрашивала Лена.

- Прежде всего модернизировать внешность, - авторитетно постановила Алла.

- И платья, - снова напомнила Настя. - Можешь кое-что взять у меня.

Дочь носила джинсы, короткие юбки, майки с портретами певцов, куртки и ботинки вроде армейских. Хороша будет Лена в подобных нарядах!

- Никакой самодеятельности, - велела Алла. - Ты должна оформить себя у настоящего стилиста и визажиста.

- У кого? - переспросила Лена.

Алла и Настя дружно закатили глаза к потолку, поражаясь отсталости Лены.

- Кутюрье мы, пожалуй, не потянем, - задумчиво сказала Настя. - Зато визажист под боком.

Она имела в виду салон, который открылся на месте бывшей парикмахерской, прямо напротив их дома. «Визажист Сидоркин. Комплексный дизайн внешности» - гласила вывеска.

- А сколько дизайн стоит? - настороженно спросила Лена.

- Не дороже семейного счастья, - отрезала Алла.

- Жертвую, - вдруг сказала Настя, - сто долларов. Мне бабушка на косуху подарила.

Лена решила, что речь идет о неизвестном ей животном, которое дочь собирается притащить в дом. Оказалось, что косуха - это кожаная куртка со множеством застёжек-молний.

- Ну, хорошо, - сдалась она, - на днях зайду в салон.

- Завтра! - в один голос воскликнули подруга и дочь.

Но Лена еще несколько дней терзалась сомнениями, внутренне металась между необходимостью коренным образом улучшить свою внешность и

разбазариванием семейного бюджета. Володя не появлялся, и Лена поддалась объединенному напору Аллы и Насти.

Китайская ножка

Визажист Сидоркин, щупленький и молоденький, как допризывник, был одет во всё черное: шелковая черная рубашка с воланами на воротнике и на манжетах, резиново обтягивающие черные брючки, заправленные в черные лакированные сапожки. Только яркие рыжие волосы выделялись в его облике, но и в них одна прядь была выкрашена в траурный цвет.

«Из себя он сделал служителя похоронной команды, – подумала Лена, – а что будет со мной?»

Сидоркин привел ее в кабинет, уставленный деревянными болванками голов с париками, усадил в мягкое кресло, сам сел напротив и представился:

– Зовите меня Филиппом.

Он предложил Лене кофе, конфеты, сигареты. От последних она отказалась.

– Посмотрите пока журналы, – сказал Сидоркин.

Лена переворачивала страницы, но ничего не запоминала в облике заморских див. Она обжигалась напитком и глотала, не разжевывая, конфеты.

Филипп Сидоркин, скрестив руки на груди, внимательно рассматривал ее, потом встал и обошел вокруг. Лена не знала, поворачивать голову за ним или нет.

– Пройдитесь, – велел Сидоркин.

– Куда? – не поняла Лена.

– Здесь, по комнате. – Сидоркин изящно махнул кистью руки.

Лена маршировала на каменных ногах с чашкой кофе в руках, из которой неловко плеснула себе на платье.

- Садитесь, - командовал визажист, - положите ногу на ногу. Теперь другую.

- Что?

- Другую ногу на ногу. Так, хорошо. - Сидоркин закрыл глаза, потом прикрыл их ладошкой. - Говорите, - сказал он шёпотом.

- О чем? - Лена тоже зашептала.

- Какой вы видите себя обновленной. Затем скажу я, какой вас вижу. Мы сравним и выработаем адекватный образ.

- Не знаю, - призналась Лена. - Мне бы хотелось быть обаятельной, привлекательной.

- В вас бездна обаяния, - похвалил Сидоркин, не убирая ладони от лица. - Теплота, мягкость в несколько деревенском, народном стиле. Просто молоком пахнет.

«Хорошо, хоть не сеном», - подумала Лена.

- Нельзя ли его приблизить к городскому? - попросила она. - И современному?

- Полностью нельзя, - отказал Сидоркин. - Такой развитый бюст! Его не спрячешь. Хотя сейчас многие делают пластические операции по уменьшению груди.

Лене подобная операция могла только в кошмарном сне привидеться. Да и она всегда считала, что красивый упругий бюст - женское достоинство, а не деревенский признак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/natalya-nesterova/sredstvo-ot-oblyseniya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)